

50 лет «Современнику»

В дни празднования пятидесятилетия театра мы печатаем фотографию зала «Современника», сделанную 20 лет назад Юрием Ростом. Зрители — награда театра. Обычно вы смотрите на сцену. Мы предлагаем вам посмотреть глазами актеров этого замечательного московского театра. Это вы — какими были.

«Новая газета» предлагает вам всмотреться в лица. Мы отметили несколько известных людей. Читатель может продолжить поиск. С вашими открытиями картина будет полнее. Фотографию мы с вами потом отдадим в «Современник». Будет подарок. Неплохой.

● «Новая газета»

Академик Харитон
Актриса Максакова

Космонавт Гречко

Актер Евстигнеев
Академик Зельдович

Режиссер Рязанов

Писатель Жванецкий

Драматург Шатров

Писатель Эйдеман

Драматург Володин

Финансист Геращенко

Журналист Гайдар

Литературовед Лакшин

Публицист Бовин

Профессор Сыркин

Мы завершаем серию заметок Марины Нееловой. Жизнь замечательной актрисы продолжается и «Новая газета» полагает, что наше сотрудничество будет продолжено.

Если вас интересуют другие подробности жизни «Современника» — вы найдете их в книге, вышедшей к юбилею.

Марина НЕЕЛОВА,
специально для «Новой»

Есть потрясающая пьеса «Сладкоголосая птица юности», есть молодой, но уже много скандальный, начинающий в Москве режиссер — Кирилл Серебренников (уже заявивший о себе спектаклем «Пластинки»), есть желание театра «Современник» с ним «познакомиться» поближе, есть я — с огромным желанием сыграть эту прекрасную роль в прекрасной пьесе с молодым режиссером! Все совпадает!

Идем смотреть «Пластинки» — Г.Б. Волчек, Е.Б. Кузнецова (завлит театра «Современник») и я. Спектакль идет на маленькой сцене в Центре драматургии и режиссуры п/р А. Казанцева и М. Рошина. Кирилл Серебренников — режиссер спектакля — встречает нас умеренно уважительно, вежливо и очень изволнован (не нашим присутствием, а тем, что давно не играли спектакль, нужно всех «собрать» и настроить на нужную волну: «Я в коллапсе», — как говорит он). Мы волнуемся не меньше его, но по другой при-

Чистая авантюра

Как хорошо, когда режиссер предлагает, а ты думаешь: «Да, да, да»; и как хорошо — ты делаешь что-то неожиданное, а он говорит: «Ну вы даете, Марина»

чине: мы хотим, чтобы нам понравилось. «Пластинки» — сложная пьеса, значит, здесь еще важнее роль режиссера. От этого волнуемся еще больше, но вида не показываем.

В конце спектакля смотрим друг на друга: с чего начнем обсуждать? С пьесы, артистов, самого спектакля, но главное — с режиссера. Артисты очень хорошо играют — это плюс режиссеру! Режиссер молодой — его плюс! Спек-

такль может вызвать споры (но это хорошо, когда споры) — значит, плюс. То есть почти все — в плюс. Молодой, дерзкий, не боится сложного материала, а он сложен сценически, и сам — «приятный во всех отношениях». Разговор идет с намеками и полунамеками, с вопросами, ответами и «ощущением» друг друга.

Дальнейшие административные отношения прошли мимо меня, и мы

начали репетировать «Сладкоголосую птицу юности»... «Репетиция — любовь моя», — сказал Эфрос, и я полностью подписываюсь.

Что особенно мне нравится в молодых режиссерах и артистах — так это полное отсутствие авторитетов; наличие авторитетов часто мешает в работе, отсутствие же их не исключает уважительного отношения друг к другу, ведь Театр — это особая сте-

Марина Неелова и Юрий Колокольников

пень близости, доверительности, откровенности и любви, и априорные авторитеты ни при чем.

Бедный Колокольников! Казалось бы, бедной должна быть я — вот уж у кого впоследствии задаваемые вопросы журналистов «А не боялись ли вы репетировать с Нееловой?» вызвали чистое и непоколебимое недоумение; понятие «авторитет» ему было не знакомо, страх отсутствовал как таковой, раскованность

почти абсолютная — но бедный Юра! Как же мы мучили его с Кириллом, как пытались на каждой репетиции, требуя что-то зафиксировать, какими только словами не обзывали его после каждого прогона — но он мужественно выдерживал все и, очень-очень редко огрызаясь, терпел нас; наверное, он тоже хотел это сыграть по-настоящему, а не просто подходить на эту роль, вошел в нее, понял, намучился, натерпелся и сыграл.

И мне кажется, это понятие — режиссер-артист-партнер, и «мы вместе делаем одно дело», и никаких не может быть обид — у нас счастливо сложилось. Нам было весело работать вместе, мы не хотели расставаться после репетиции, мы бродили по Чистым прудам и говорили о пьесе, о нас, спорили, не соглашались и соглашались, отстаивали свое и убеждали; мне было интересно это соединение азарта, острые холмы — господи, меня и не надо провоцировать на них, я люблю эти острые холмы и готова провоцировать на них сама, и радость понимания, и радость, что мы не расходимся в ощущениях времени и в каких-то оценках, и Кирилл ли это предложил или я это предложила — какая разница: мы думаем вместе.

А как же это хорошо — смеяться над одним и тем же, а как хорошо, перебивая друг друга, сочинять, и как хорошо, когда режиссер предлагает, а ты думаешь: «Да, да, да»; и как хорошо — ты делаешь что-то неожиданное, а он говорит: «Ну вы даете, Марина»; хорошо, когда можно ночью позвонить ему и сказать какую-то заведомую ерунду, а тебе скажут: «Нет, ерунда», а ты еще немножко поспоришь для вида, потому что позвонила, чтобы просто поболтать, а утром вы, невыспавшиеся, но немножко уже соскучившиеся, встретитесь снова и будете опять до ночи репетировать, придумывать костюмы, подсмеиваться друг над другом, говорить комплименты, шутить и иронизировать, а потом опять говорить про самое главное на самом деле для вас — про профессию, и это будет каждый день до позднего вечера. Наверное, в какой-то момент я слишком мучила Кирилла своей любовью к репетициям, и тогда он мне говорил (невзирая на авторитеты): «Отстаньте от меня, не хочу, не могу больше!» — «А если еще вот так?» — «Ха-ха-ха!» — и смеемся вместе.

Но все кончается когда-то, и эта работа (или это и есть жизнь?) подходит к какому-то концу, и наступит момент, когда артисты выйдут на сцену, сыграют, если получится, что хотели, режиссер будет стоять за кулисами и волноваться вместе с ними и больше них, потом пройдет время, он уйдет к другим актерам, в другой театр, и все, может быть, у него повторится, но все равно это уже будет совсем по-другому...

ИТАР-ТАСС